

Ван Хуэй не пользовался в Великой Сун особой литературной славой. С самого детства он не любил учиться, зато питал глубокий интерес к торговле. Тан Шэнь и не подозревал, что большинством лавок Клана Ван из Ланъя заправлял именно Ван Хуэй. Впрочем, основной доход Клану Ван приносила не торговля, а земельный налог с крестьян-арендаторов. У такого древнего знатного рода, насчитывавшего не одно столетие истории, в управе Цзиньлин были неисчислимы земельные владения. Одной лишь этой арендной платы Клану Ван хватило бы, чтобы бездельно пировать на вершине золотой горы еще несколько веков. Так что торговля была для Ван Хуэя лишь увлечением.

Будучи купцом, Ван Хуэй славился общительностью. Принял он Тан Шэня так радушно, что тот не почувствовал ни малейшего пренебрежения, а вскоре и вовсе увлекся беседой. Ван Хуэй сыпал остротами и шутил с тонким юмором, чем невольно вызвал у Тан Шэня симпатию.

Тан Шэнь прибыл в Клан Ван из Ланъя во второй половине дня, а к вечеру от Храма Цзимин к переулку Уйи уже мчался во весь опор иссиня-черный скакун.

Как только Тан Шэнь переступил порог усадьбы, Ван Хуэй тайком отправил человека в Храм Цзимин, чтобы известить Ван Чжэня. Четвертый дядя проявил отменную проницательность: проведая о приезде Тан Шэня, разве мог он не сообщить Ван Чжэню? Ван Цзыфэн занимал при дворе высокое положение и пользовался глубоким расположением государя. Однако именно из-за императорской милости — и того, что при дворе уже властвовал Правый канцлер Ван Цюань — Ван Чжэнь никогда не примыкал к кликам и не собирал сторонников.

Ван Чжэнь примыкал к Фракции Вана, но в то же время оставался нейтральным роялистом.

Он хранил верность лишь императору, поэтому Чжао Фу так высоко его ценил. При дворе у Ван Чжэня водилось бесчисленное множество друзей, но так близок с ним был один только Тан Цзинцзэ.

Когда Тан Шэнь пришел к Клану Ван из Ланъя, его узнал даже привратник, а дворецкий и вовсе мог четко назвать о нем любые сведения — и все потому, что он был редким близким другом Ван Цзыфэна, так что в усадьбе о нем знали предостаточно.

Заметив, что на дворе стремительно темнеет, Тан Шэнь решил, что Ван Чжэня уже не дождется, и поднялся, намереваясь отбыть.

Ван Хуэй поднялся вслед за ним:

— Цзинцзэ, может, подождешь еще немного?

Тан Шэнь только собирался ответить, как в комнату быстро вошел слуга:

— Старший молодой господин вернулся!

Ван Хуэй удивленно вскинул бровь:

— С таким обозом экипажей и лошадей — и так быстро?

Слуга пояснил:

— Старший молодой господин прискакал один на выносливом коне. Сударыни и молодые барышни еще позади, им ехать еще не меньше получаса.

Теперь Тан Шэнь уже не мог уйти.

Вслед за Ван Хуэем он вышел из гостиной и направился к главному залу передней усадьбы. На полпути внимание всех привлек протяжный конский ржач. Чувствуя нечто необычное, Тан Шэнь свернул в крытую галерею. Подняв глаза, он увидел Ван Чжэня: тот сидел верхом на коне в черном плаще и нефритовом венце, натягивая поводья. Обернувшись, Ван Чжэнь в тот же миг встретился с ним взглядом.

Оба переглянулись издали и на мгновение замерли.

Опомнившись, Тан Шэнь сделал шаг вперед. Ван Чжэнь спешил. Встав на землю, он сперва пристально взгляделся в Тан Шэня, а затем улыбнулся:

— Младший брат по учебе снова похудел.

Тан Шэнь обомлел.

Похудел? В эти несколько дней по возвращении в управу Гусу он прекрасно ел и пил — ему самому казалось, что он даже прибавил в весе!

Следом Ван Чжэнь обратился к слугам:

— Гость Тан любит креветки. Приготовьте тех морских креветок, что привезли вчера. А из речных сделайте фениксовые креветки по-цзиньлински.

Слуги с поклоном согласились.

Отдав распоряжения, Ван Чжэнь снова повернулся к Тан Шэню и серьезно произнес:

— Тебе необходимо подкрепить силы.

Тан Шэнь:

— ...

Что ж, теперь придется остаться на ужин.

Ван Хуэй стоял неподалеку, наблюдая за двумя братьями по учебе, и, видя поведение Ван Чжэня, тихонько посмеивался. Заметив его смешки, Ван Чжэнь повернул голову и поклонился:

— Четвертый дядя.

Его голос прозвучал мягко и чисто, однако заставил Ван Хуэя смущенно кашлянуть.

Ван Хуэй произнес:

— Морские и речные креветки у нас есть. Я и не знал, что Цзинцзэ так любит креветок, знал бы — распорядился бы заранее.

Ван Чжэнь переспросил:

— Цзинцзэ?

Ван Хуэй беспомощно улыбнулся:

— Раз Цзыфэн вернулся, я пойду займусь делами. А вы пока побеседуйте.

Ван Хуэй ушел первым, а Ван Чжэнь повел Тан Шэня в свой двор.

Двор Ван Чжэня располагался на самом западе усадьбы Ван, а еще дальше к западу шумела уединенная бамбуковая роща. Весной или летом вид на этот бамбук наверняка дарил чувство умиротворения и беззаботной радости. Но сейчас стоял лютый зимний месяц, и Тан Шэню отчего-то стало прохладно. Он посмотрел на Ван Чжэня и заметил:

— Редко увидишь Старшего брата в черных одеждах.

Ван Чжэнь задумался:

— Младший собрат не знает, откуда взялось название «переулок Уйи»?

Тан Шэнь удивился:

— О? У этого есть какая-то история?

Ван Чжэнь ответил:

— Переулок Уйи очень длинный, но прославился он тем, что в нем жили кланы Ван и Се.

Снимись эти слова с чужих уст, они могли бы показаться хвастовством, но из уст Ван Чжэня Тан Шэнь принял их как должное. Все увиденное и услышанное им сегодня в Клане Ван из Ланъя заставляло невольно признать: Клан Ван и впрямь был великим родом. Не то что один переулок Уйи прославился благодаря им — даже вся управа Цзиньлин благодаря присутствию Клана Ван обретала еще более легендарный флер.

— Прежде этот переулок назывался иначе. Но во времена прошлой династии молодые господа из знатных семей любили носить «уй» — то есть черные одежды. Господа из двух кланов, Ван и Се, каждый день прогуливались по переулку в черных одеяниях, отчего тот и получил имя «переулок Уйи».

Помолчав, Ван Чжэнь спросил:

— Младший собрат, не хочешь переодеться?

Тан Шэнь с изумлением переспросил:

— Я ведь не из Клана Ван, мне тоже нужно наряжаться в черное?

Ван Чжэнь протяжно произнес:

— Что ж, тогда не переодевайся.

Тан Шэнь остался в полном недоумении.

Однако вечером он внезапно понял, что имел в виду Ван Цзыфэн.

Вся зала была полна людей в черном, и лишь он один сидел в белом — словно дикий фазан, угодивший в гнездо фениксов, совершенно не к месту!

Храм Цзимин находился на северо-востоке управы Цзиньлин. С наступлением ночи все члены

Клана Ван, отбывшие в Храм Цзимин для совершения обрядов и молитв, вернулись. Нравы нынешней династии были довольно свободными, так что мужчины и женщины могли трапезничать в одном помещении. Однако Тан Шэнь был юношей брачного возраста, поэтому во время обеда стол разделили ширмой: за одним сидели мужчины, за другим — сударыни и молодые барышни.

Ван Чжэнь рассказывал, что сам не придерживается правила «не вести речей за едой и перед сном», однако остальные члены Клана Ван чтили его строго, так что во время трапезы за столом царило молчание.

Когда барышни и сударыни закончили обед и удалились, ширму убрали, и собравшиеся стали пить чай и обсуждать дела.

Отец Ван Чжэня скончался в прежние годы, а его второй дядя Ван Цюань находился в Шэнцзине и в этом году не вернулся домой на Новый год. В главном зале остались лишь трое старейшин, сам Ван Чжэнь, Ван Сы и Тан Шэнь.

Ван Хуэй спросил:

— Пришелся ли тебе по вкусу этот чай, Цзинцзэ?

Тан Шэнь поставил пиалу:

— Отменный чай, благодарю, четвертый дядя.

Третий господин Ван, услышав это, переспросил:

— Четвертый дядя?

Он улыбнулся и добавил:

— К нам часто приходят гости, но друзей Цзыфэна мы видим редко. Цзинцзэ, я слышал, тебе в этом году исполнилось всего восемнадцать, ты поистине юн и невероятно успешен.

— Третий дядя преувеличивает мои заслуги.

Не все члены Клана Ван служили чиновниками; из присутствующих чиновников лишь Ван Чжэнь превосходил Тан Шэня чином.

Род Ван из поколения в поколение славился знатностью, но не отличался надменностью. Все немного побеседовали с Тан Шэнем, и постепенно тот уловил доносившийся снаружи шорох. Он с удивлением присмотрелся и услышал звонкий детский голосок:

— Думаешь, это он?

— Вполне возможно, даже очень похоже!

— Столько лет прошло, а мы увидели только этого. Наверняка он!

Голоса в зале миготом утихли. Ван Чжэнь попивал чай, над которым клубился пар, не выдавая своих чувств. Ван Хуэй смущенно кашлянул и крикнул:

— Кто там снаружи? Входите!

— Пропали, нас заметили!

В следующий миг в комнату вошли четверо или пятеро ребятишек. Старшему из них было лет десять, а младшему — не больше шести-семи. Каждое дитя было облачено в черные одежды, а на головах красовались нефритовые венцы.

Ван Сы, увидав этих детей, от досады едва не потемнел в глазах. Он повернулся к Тан Шэню:

— Не обессудьте, господин Тан, это мои младшие двоюродные братья. Заметили, видно, что в доме гость, вот и полюбопытствовали.

С этими словами он краем глаза глянул на старшего двоюродного брата.

Ван Чжэнь продолжал пить чай с неизменным выражением лица.

Дети, видя, что их не бранят, осмелели. Самый младший из них вылупил черные блестящие глазенки и уставился прямо на Тан Шэня. Тан Шэнь совсем растерялся под этим взглядом. В этот момент Ван Чжэнь тихонько поставил чашку и произнес:

— Днем вы только вернулись из Храма Цзимин, а сейчас не идете отдыхать — стало быть, ничуть не устали. Не лучше ли вернуться в свои комнаты и еще раз переписать уроки, заданные учителем?

Дети широко раскрыли рты от ужаса. Но, украдкой взглянув на Ван Чжэня и увидев вежливо улыбающееся выражение лица старшего брата, они могли лишь проглотить обиду без единого слова. Повесив носы, ребятишки поплелись прочь.

Ван Чжэнь вздохнул:

— Младшие братья невоспитанны, прошу прощения перед младшим собратом.

<http://bllate.org/book/18292/1754562>